

Протокол — лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена рассмотрению протокола задержания подозреваемого как уголовно-процессуального акта, фиксирующего решение следователя о краткосрочном ограничении конституционного права человека на свободу и личную неприкосновенность. Методологически отталкиваясь от подлинного назначения задержания подозреваемого в общей системе правоограничительных механизмов в сфере выявления, раскрытия и расследования преступлений, автор приходит к выводу об отсутствии в процессуальном решении о его осуществлении (протоколе задержания) того «высокого» правового смысла, который вкладывается в иные резолютивные акты предварительного расследования.*

Автор полагает, что, несмотря на уголовно-процессуальную формализацию, задержание подозреваемого, по сути, остается превентивной «полицейской» мерой, применяемой в целях «внешнего», «допроцессуального» обеспечения благоприятного режима досудебного производства по уголовному делу.

В этой связи предлагается исключить протокол задержания из сферы уголовно-процессуального регулирования с передачей в административное ведение полиции и иных «силовых» ведомств, осуществляющих фактическое задержание и доставку потенциальных подозреваемых.

***Ключевые слова:** административное задержание, задержание подозреваемого, заключение под стражу, меры уголовно-процессуального принуждения, неприкосновенность личности, подозреваемый, полицейское задержание, протокол задержания подозреваемого, уголовно-процессуальное решение, уголовно-процессуальный акт.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.97.12.150-165

Как известно, процессуальное решение о задержании лица по подозрению в совершении преступления оформляется специальным протоколом, который должен быть составлен не позднее 3 часов после доставления этого

человека в орган дознания или к следователю (ч. 1 ст. 92 УПК РФ). В системе действующего уголовно-процессуального регулирования протоколу задержания подозреваемого придается значение некоего резолютивного правового акта

© Россинский С. Б., 2018

* Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

sbrossinskij@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

(акта-решения), порождающего возникновение принципиально новых публично-правовых отношений между государством и личностью.

Любой специалист в области уголовного судопроизводства должен прекрасно понимать, что протокольная форма фиксации решения о задержании подозреваемого мало соответствует его процессуальной природе, его резолютивному характеру. Как совершенно справедливо отметили О. Я. Баев и М. О. Баев, протокол задержания подозреваемого выполняет функции обычного постановления следователя; он содержит все необходимые для того элементы и атрибуты — от даты и времени его составления до подписи должностного лица, принявшего данное процессуальное решение¹. Ведь протоколами (от греч. *protokollon* — первый лист манускрипта) в уголовном судопроизводстве РФ принято считать документы, фиксирующие ход и результаты следственных, судебных и иных процессуальных действий (актов-действий). Протоколирование процессуальных действий — это требование, обусловленное историческими традициями национального судопроизводства и общими принципами континентальной (романо-германской) правовой системы. Протоколы позволяют потенциальным читателям (суду, прокурору, иным участникам уголовного процесса) впоследствии уяснить (реконструировать) содержание, направленность и динамику проводимых познавательных и организационно-обеспечительных приемов, формы поведения присутствующих лиц, исследовать и проверить итоги процессуального действия для оценки доброкачественности полученных результатов.

Тогда как публично-правовые акты-решения в досудебном производстве по всем канонам и традициям уголовно-процессуального права оформляются иными документами — постановлениями. Согласно п. 25 ст. 5 УПК РФ постановление — это любое решение, вынесенное в ходе досудебного производства, за исключением обвинительного заключения, об-

винительного акта или обвинительного постановления. Всякая прочая, помимо задержания, мера уголовно-процессуального принуждения применяется на основании соответствующего постановления следователя или суда. Кстати, еще в 1999 г., то есть до принятия УПК РФ, В. Н. Григорьев прямо предлагал оформлять решение о задержании подозреваемого постановлением — как документом, в большей степени соответствующим сущности указанного процессуального-распорядительного акта².

И, таким образом, совершенно непонятно, почему авторы действующего Кодекса, прямо определив задержание подозреваемого как меру процессуального принуждения (п. 11 ст. 5 УПК РФ), не удосужились устранить эту существующую долгие годы терминологическую неточность. Хотя ради справедливости следует отметить, что в п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ все же содержится некое полномочие следователя давать органу дознания письменное поручение об исполнении постановления о задержании.

К слову, некоторые государства, возникшие на постсоветском пространстве, проявили большую добросовестность по отношению к данному вопросу, давно исправив указанную ошибку. Например, ст. 110 УПК Беларуси предписывает составление протокола лишь должностным лицом, осуществившим фактическое задержание. Тогда как следователь в течении 3 часов с момента доставления определяет дальнейшую судьбу задержанного посредством вынесения соответствующего постановления.

Не менее странно, что такой, казалось бы, очевидный законодательный недочет не был удостоен должного внимания со стороны ученых-процессуалистов. Несмотря на то что многие современные авторы упоминают указанный правовой изъян, причины его возникновения по-прежнему практически не изучены. Иными словами, правило, предписывающее оформлять решение о задержании подозреваемого не постановлением, а протоколом, воспринимается

¹ Баев О. Я., Баев М. О. Современный правовой механизм задержания подозреваемого в совершении преступления и проблемы его совершенствования // Вестник Воронежского госуниверситета. Серия : Право. 2016. № 2. С. 231.

² Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М. : ЮрИнфор, 1999. С. 160.

как само собой разумеющееся, как непонятно откуда возникшая данность³.

О. Я. Баев и М. О. Баев указали, что опрошенные правоприменители (следователи, дознаватели) связывали такой подход законодателя с неотложностью применения рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения, сообщая в то же время, что ранее не задумывались о причинах этого правового предписания, мол, так указано в Уголовно-процессуальном кодексе. Сами авторы предположили, что существующую коллизию необходимо связывать с некой традицией, заложенной в более ранних законодательных источниках, в частности в УПК РСФСР 1960 г.⁴

Подобное объяснение вполне разумно и приемлемо. Однако оно носит сугубо внешний, поверхностный характер, не затрагивает истинных причин этой законодательной традиции. Ведь любой обычай, любая традиция (неважно где: в политике, в культуре, в праве или где-то еще) не зарождается просто так, а имеет веские основания и условия возникновения. Любая случайность — гласит древняя философская мудрость — это непознанная закономерность! Другое дело, что далеко не в каждом случае ученым удастся, проследив динамику развития того или иного явления, проанализировав его генезис, выявить и правильно оценить основания и условия возникновения существующих традиций.

Представляется, что подлинные причины протокольной формы фиксации процессуального решения о задержании подозреваемого имеют куда более глубокие корни, уходящие далеко в прошлое. Они напрямую связаны с развитием отечественного досудебного производства и обусловлены имевшими место в истории разными подходами к пониманию (а может быть, и банальным недопониманием) законодателем правовой природы этого акта, неопределенностью

в вопросе, чем все-таки является задержание подозреваемого: превентивной «полицейской» мерой или мерой уголовно-процессуального принуждения.

В частности, архаичное дореформенное законодательство Российской империи полностью отдавало предварительное следствие по уголовным делам в ведение полиции. «Производство следствия и все меры, к оному относящиеся, принадлежат полиции» — говорилось в ст. 2 «Николаевского уголовно-процессуального кодекса»⁵. Поэтому именно за полицией закреплялось исключительное право «брать кого-либо для допроса и исследования в случае, когда улика в преступлении основана на обстоятельствах, возбуждающих сильное подозрение» (ст. 100 того же «Кодекса»), то есть осуществлять некий прообраз того самого принудительного механизма, который сегодня именуется задержанием подозреваемого.

Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., несмотря на появление механизмов судебного следствия, полностью сохранил полномочия по задержанию подозреваемого в компетенции полицейских органов. Согласно ст. 257 Устава именно полиция, а не судебный следователь, должна была «принимать меры к пресечению подозреваемому способов уклоняться от следствия в следующих случаях: 1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения; 2) когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо... и т.д.». В целом аналогичный правовой режим был сохранен и в УПК РСФСР 1923 г. Невзирая на ликвидацию царской полиции, на появление новых органов дознания: милиции, ГПУ и пр., первый «социалистический» УПК по-прежнему позиционировал задержание подозреваемого как сугубо «полицейскую» меру, осуществляемую как бы

³ Авдеев В. Н., Богацкий Ф. А. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России. Калининград : КЮИ МВД России, 2006. С. 99—100 ; Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. М. : Экзамен, 2005. С. 153.

⁴ Баев О. Я., Баев М. О. Указ. соч. С. 231.

⁵ Имеется в виду часть 2 тома 15 Свода законов Российской империи Николая I — «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках».

в «доследственном» правовом поле, то есть до принятия уголовного дела к производству следователем.

Да и вообще, и имперское, и раннее советское процессуальное законодательство в принципе не предполагало столь сильной формализации процедуры задержания подозреваемого, как сегодня. Захват, доставление и юридическое оформление задержанного осуществлялись в достаточно свободном режиме, определенном не столько административно-правовыми, уголовно-процессуальными или какими-либо еще законодательными нормами, сколько внутренними регламентами и этическими правилами работы правоохранительных органов. В этой связи один из известных дореволюционных процессуалистов, Н. Н. Розин, отмечал: «Предварительный полицейский арест как мера обеспечения явки обвиняемого к судебному или следственному органу в нашем праве не вылился в отчетливые формы»⁶. Также весьма примечательно, что и до-, и послереволюционные авторы вообще писали о задержании подозреваемого как бы вскользь, игнорируя подробное рассмотрение этого вопроса⁷.

И уж тем более ни у кого и никогда не возникло мысли о каком-либо разделении процедуры применения данной меры на непроцессуальную и процессуальную стадии (на фактическое и юридическое задержание), как это происходит в настоящее время. Задержание подозреваемого воспринималось как единый, целостный превентивный «полицейский» акт, обеспечивающий возможность последующего процессуального взаимодействия судебно-следственных органов с человеком, потенциально подлежащим уголовной ответственности. Кстати, впервые протокол как документ, фиксирующий

действия по задержанию подозреваемого, был регламентирован в Инструкции об организации милиции 1918 г.⁸ В примечании к п. 2 ст. 28 этого нормативного правового акта указывалось: «О каждом случае задержания советская милиция составляет протокол с точным обозначением места, дня и часа задержания, а равно основания применения этой меры».

И поэтому *нет ничего удивительного в зарождении традиции, предполагающей оформление акта задержания подозреваемого не постановлением, а именно протоколом — по аналогии со многими другими формами деятельности полиции, милиции или иных правоохранительных органов.*

Однако традиция традицией, а современный Уголовно-процессуальный кодекс РФ достаточно сильно отличается от своих «дедушек» и «прадедушек». Ввиду целого ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. в России сформировалась особая, самобытная национальная модель уголовного судопроизводства, предполагающая интеграцию «классических» следственных полномочий с «полицейскими», относящая процессуальную функцию предварительного расследования к компетенции «силовых» министерств и ведомств. Представляется, что основной «разрыв в цепи» случился в 1928 г., когда народные следователи были выведены из ведения судов и полностью подчинены органам прокуратуры (Наркомату юстиции)⁹. А кардинальный процессуальный «перелом» в этой части произошел во время реформы уголовного судопроизводства конца 1950-х — начала 1960-х гг., формально легализовавшей право следователя на задержание подозреваемого (ст. 32 Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 г.¹⁰; ч. 6 ст. 127 УПК РСФСР 1960 г. и анало-

⁶ Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. СПб. : Юридический книжный склад «Право», 1914. С. 321.

⁷ Например: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Альфа, 1996. Т. 2. С. 334 ; Строгович М. С. Уголовный процесс : учебник для юридических вузов и факультетов. М. : МЮ СССР, 1946. С. 304.

⁸ Постановление НКВД РСФСР и Наркомюста РСФСР от 13 октября 1918 г. «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция)».

⁹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г. «Об изменении Положения о судоустройстве РСФСР».

¹⁰ Имеется в виду Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик».

гичные положения уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик).

Правда, вначале данные нормы считалась как бы факультативными. Например, ст. 122 УПК РСФСР 1960 г. возлагала основное бремя задержаний подозреваемых на органы дознания. Следователю же в этом вопросе отводилась второстепенная роль; по смыслу закона он мог использовать такой правовой рычаг лишь в исключительных случаях, если приступал к расследованию на самом раннем этапе. И тем не менее с учетом сформировавшейся в позднесоветский период правоприменительной практики следователи принимали и продолжают принимать к своему производству большинство уголовных дел (вернее, еще даже не дел, а только материалов) на этапе доследственной проверки сообщения о преступлении. И поэтому в реальности сугубо «следственные» задержания подозреваемых получили повсеместное распространение. А часть 1 ст. 91 действующего УПК РФ (в изначальной редакции) уже наделяла полномочиями по задержанию подозреваемых не только органы дознания, дознавателя, следователя, но и прокурора, превращая задержание в полноценный юрисдикционный акт применения уголовно-процессуального права и еще более усиливая недопонимание замыслов законодателя.

О чем же думали авторы действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ, сохранив за чем-то старую протокольную форму решения о задержании подозреваемого при новых подходах к сущности и содержанию уголовной юстиции и допуская, таким образом, очевидный для любого специалиста нормативный «ляп»?

В данном случае (кстати, как и в части иных актуальных проблем уголовно-процессуального права) может возникнуть лишь одна более или менее состоятельная гипотеза. Видимо, стремясь выработать новую демократическую идеологию уголовного процесса, создать безукоризненные с точки зрения либеральных ценностей принципы уголовного судопроизводства, авторы УПК РФ просто не уделили должного внимания сугубо «рабочим», процедурным вопросам. Решая политические, стратегические задачи, они забыли или не успели привести в соответ-

ствии с ними детали, то есть конкретные правила проведения процессуальных действий и принятия процессуальных решений. А может быть, и вообще посчитали подобные детали незначительными. Внедряя в российскую модель уголовного судопроизводства так называемый положительный опыт Запада, в первую очередь США, они не учли его плохую совместимость с отдельными элементами национальной правовой доктрины, с особенностями национального менталитета, правосознания и т.д. И поэтому в действующий Уголовно-процессуальный кодекс были бездумно перенесены многие (по мнению авторов проекта, видимо, второстепенные) положения прежнего УПК РСФСР, например правила оформления решения о задержании подозреваемого.

Конечно, можно выдвинуть куда менее приятную версию. Она заключается в том, что лица, руководящие подготовкой проекта УПК РФ, в принципе плохо ориентировались в соответствующей правовой материи и просто выполняли команды, поступающие откуда-то сверху или из-за океана. По крайней мере, на эту мысль наводит подтверждаемый буквально каждым положением гл. 12 УПК РФ вышеуказанный факт полного непонимания или сознательного игнорирования разницы между задержанием как превентивной «полицейской» мерой и задержанием как решением следователя. Но по понятным причинам нам не хотелось бы далее развивать эту версию. Тем более что на сегодняшний день она все равно потенциально не проверяема и, следовательно, как говорят криминалисты, «не может быть принята в работу».

Да и вообще, выяснение подлинных причин, обусловивших сохранение в действующем Кодексе протокольной формы решения о задержании подозреваемого, для дальнейшего развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики не так уж и существенно. Вместо того чтобы делать бессмысленные ретроспективные догадки, лучше задаться перспективным вопросом: а надо ли вносить очередные изменения в УПК РФ, заменив протокол задержания подозреваемого постановлением? Или, может быть, сохранить status quo, оставить все как есть, понадеявшись, что правопримени-

тельная практика сама все расставит по своим местам?

К слову, мы уже неоднократно писали о негативной тенденции, заразившей уголовно-процессуальную науку. Многие современные авторы в силу самых различных причин (не будем сейчас подробно на них останавливаться) вместо проведения подлинно научных исследований и изысканий занимаются исключительно «вылавливанием законодательных блох» — скрупулезным штудированием текстов нормативных правовых актов на предмет выявления и устранения юридико-технических, логических, лингвистических ошибок и неточностей. Фактически они проделывают ту работу, которую должны выполнять сотрудники аппаратов органов власти и иных ведомств, участвующих в правотворческом процессе.

Представляется, что уголовно-процессуальную науку (равно как и любую другую юридическую науку) все же не следует сводить к сугубо корректорским задачам, к вычищению и постоянному редактированию законодательных текстов, к поиску и устранению нормативных «ляпов». На наш взгляд, усилия ученых необходимо направлять на изучение и осмысление более существенных проблем, а именно: на выявление и анализ закономерностей возникновения, развития и прекращения правоотношений в сфере уголовного судопроизводства в целях совершенствования процессуальной формы и оптимизации судебно-следственной практики. Тем более что бесконечные редакторские и корректорские предложения ученых по большей части все равно так и не доходят до адресата.

Юридические законы, правовые нормы — это не законы природы. Они являются результатом человеческого разума и принимаются в условиях социальных и политических компромиссов, при соблюдении сложной правотворческой процедуры. Они в принципе не могут быть идеальны; им всегда будут свойственны определенные огрехи и противоречия. Тем более, такими будут законы, появляющиеся на свет как продукты современной российской реальности, обусловленной правовыми метаниями, поиском какого-то нового, собственного, национального пути развития общества и государства.

Мы полагаем, что если, невзирая на существующие, по мнению ряда специалистов, юридико-технические, логические и лингвистические неточности, следственно-судебная практика и так идет по правильному пути, то надо уже, наконец, прекратить бесконечные предложения по изменениям и дополнениям текста УПК РФ и сконцентрировать свое внимание на тех пробелах уголовно-процессуальной науки и законодательства, которые действительно обуславливают серьезные прикладные проблемы. В данном случае правовая стабильность намного важнее стремления к идеальности нормативных правовых актов.

Поэтому представляется, что само по себе изменение названия документа, фиксирующего задержание подозреваемого (протокол заменить на более логичное — постановление) не позволит достичь никаких ощутимых практических результатов и оптимизировать следственную деятельность. Более того, протокол задержания подозреваемого — это уже настолько привычный «штамп», что подобные реформы в этой части, наоборот, могут привести правоприменителей к еще большей сумятице и только усугубить и без того непростую ситуацию.

Другое дело, что указанная терминологическая неточность тянет за собой целый ворох куда более серьезных проблем. И одна из них заключается в различных процессуальных правилах составления протоколов (актов-действий) и постановлений (актов-решений). Ввиду рассмотренной выше неопределенности по поводу юридической природы задержания подозреваемого законодатель в ст. 92 УПК РФ предъявляет такие требования к протоколу, которые более походят на правила оформления других протоколов, фиксирующих ход и результаты следственных действий (участие защитника при составлении, результаты личного обыска, другие обстоятельства задержания и т.д.).

Но протокол задержания впитал в себя и некоторые требования, свойственные актам-решениям (например, необходимость указания оснований и мотивов задержания), но как-то очень вскользь, без четкого разъяснения их содержания. Подобная законодательная конструкция приводит к весьма негативной практике: следо-

ватели фактически игнорируют требования ч. 4 ст. 7 УПК РФ об обоснованности и мотивированности процессуальных решений, ограничиваясь лишь указанием одного из предусмотренных ст. 91 УПК оснований для задержания. Да и сами бланки протоколов (которые, кстати, до 2007 г. вообще имели силу закона) разработаны таким образом, что правоприменителю вряд ли удастся вписать туда много «авторского» текста. В этой связи мы полностью разделяем опасения О. Я. Баева и М. О. Баева о возможных нарушениях и злоупотреблениях должностных лиц из-за отсутствия необходимости отражать в протоколе задержания саму «фабулу» преступления и его уголовно-правовую квалификацию¹¹.

Еще одна проблема возникает из-за дублирования функций по составлению протокола задержания разными должностными лицами. Ввиду рассмотренной выше правовой неопределенности по поводу юридической природы задержания подозреваемого (чем оно является: превентивной «полицейской» мерой или мерой уголовно-процессуального принуждения?) в общей системе действующего законодательства фактически установлен двойственный механизм фиксации этого правоограничительного решения.

С одной стороны, составление протокола — это прямая обязанность должностного лица правоохранительного органа, осуществившего фактический захват и доставление задержанного. В частности, подобное требование (кстати, обремененное теми же, что и в УПК РФ, гарантиями) четко вытекает из ст. 14—15 Закона «О полиции»¹² и конкретизируется в специальном Наставлении о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан¹³, которое закрепляет эту функцию за оперативным дежурным. Но, с другой стороны, находящиеся в системном единстве

положения ч. 1 ст. 91 и ст. 92 УПК РФ указывают на сугубо процессуальный характер данного полномочия, возлагая его на следователя.

Кто же на самом деле должен составлять протокол задержания подозреваемого? К сожалению, законодатель не может дать четкого ответа. А правоприменительная практика в этой части складывается весьма и весьма разнообразно. В некоторых случаях протоколы задержания составляют оперативные дежурные полиции, позиционируя себя в качестве представителей органов дознания. Где-то протокол составляется лишь следователем, а предусмотренное Законом «О полиции» требование о собственном «полицейском» протоколе просто игнорируется.

Иногда используется «двойная» практика: сначала (при доставлении) оформляется «полицейский» протокол, а затем (в течение 3 часов) — «следственный». Данный вариант прикладного решения проблемы хотя и выглядит наиболее соответствующим формальным требованиям закона, на самом деле лишь создает дополнительные трудности. Во-первых, он сильно усложняет процедуру задержания, перегружает ее бессмысленными повторными действиями. И во-вторых, задержанный оказывается в непонятном правовом положении, а также подвергается дополнительному принуждению (например, при повторном личном обыске).

Поэтому представляется, что *затрагиваемые в настоящей статье вопросы могут быть разрешены только при четком и ясном понимании самой юридической природы акта (решения) о задержании подозреваемого, которая, в свою очередь, методологически обусловлена целями данного правоограничительного механизма.*

Но каковы цели задержания подозреваемого? К великому сожалению, действующий УПК РФ не содержит четкого и ясного ответа на

¹¹ Баев О. Я., Баев М. О. Указ. соч. С. 232.

¹² Здесь и далее — Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» с последующими изменениями и дополнениями.

¹³ Приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан».

данный вопрос; здесь имеет место правовая неопределенность. О целях задержания можно судить, лишь исходя из смысла уголовно-процессуального закона, иных (в том числе уже не действующих) нормативных правовых актов в совокупности с доктринальными источниками.

Большинство ученых, занимающихся данной научной проблематикой, сходятся во мнении, что задержание подозреваемого направлено на воспрепятствование уклонению лица от явки к следователю, а также на пресечение иных форм противодействия расследованию и возможности совершения новых преступлений¹⁴. К слову, подобные позиции в свое время находили отражение и в ст. 257 Устава уголовного судопроизводства Российской империи, и в ст. 100 УПК РСФСР 1923 г.

Некоторые авторы, основываясь на действовавшем в советский период специальном нормативном правовом акте — Положении о порядке кратковременного задержания подозреваемых¹⁵, связывают цели применения данной меры принуждения с выяснением причастности задержанного к преступлению и разрешением вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу¹⁶. Исходя из эмпирических данных, собранных Е. С. Берези-

ной, такую позицию разделяют и большинство практических работников¹⁷.

Однако мы не можем согласиться с Л. Л. Зайцевой и А. Г. Пурсом, которые как бы противопоставляют указанную точку зрения вышеприведенным взглядам на цели задержания подозреваемого¹⁸. Полагаем, что данные противоречия имеют несколько надуманный характер и обусловлены не совсем корректной формулировкой ст. 1 названного Положения. Цели задержания действительно не следует ставить в прямую зависимость от дальнейшего применения меры пресечения и выяснения причастности лица к совершению преступления; эти вопросы вполне могут быть разрешены и без задержания подозреваемого. И в этой связи следует согласиться с Е. Г. Васильевой, что проведение задержания только ради выяснения причастности лица к преступлению и решения вопроса о применении к нему меры пресечения при отсутствии желания у задержанного скрыться, продолжить преступную деятельность или скрыть (уничтожить) доказательства не совсем оправданно. Автор справедливо полагает, что эти вопросы можно решить и не задерживая человека, личность и местонахождение которого установлены¹⁹.

¹⁴ См., например: *Лившиц Ю. Д., Гинзбург А. Я.* Меры пресечения и задержание в советском уголовном процессе. Алма-Ата : Алма-Атинское отделение ФЗО ВШ МВД СССР, 1961. С. 30 ; *Клюков Е. М.* Мера процессуального принуждения. Казань : Казанский госуниверситет, 1974. С. 21 ; *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1975. С. 140 ; *Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилов А. А.* Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М. : Академия МВД СССР, 1975 ; *Зайцева Л. Л., Пурс А. Г.* Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь. Минск : Харвест, 2011. С. 26 ; *Муравьев К. В.* Меры уголовно-процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск : Омская академия МВД России, 2017. С. 181.

¹⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX «Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления».

¹⁶ См., например: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под общ. ред. В. Т. Томина. М. : Вердикт, 1996. С. 224 ; *Веретенников И. А.* Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт : дис. ... канд. юрид. наук. М. : ЮИ МВД России, 2001. С. 25—26 ; *Березина Е. С.* Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. М. : ВНИИ МВД России, 2009. С. 82.

¹⁷ *Березина Е. С.* Указ. соч. С. 79.

¹⁸ *Зайцева Л. Л., Пурс А. Г.* Указ. соч. С. 25.

¹⁹ *Васильева Е. Г.* Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа : Башкирский госуниверситет, 2002. С. 78.

Однако при возникновении опасности противодействия предварительному расследованию со стороны подозреваемого именно задержание обеспечивает возможность производства ряда следственных и иных процессуальных действий с его участием, что позволяет проверить его причастность к совершению преступления, а также установить основания и осуществить процедуру избрания в отношении него меры пресечения. Причем свое первостепенное, основное значение задержание подозреваемого, безусловно, приобретает в связи с дальнейшей перспективой применения к лицу заключения под стражу или домашнего ареста, требующих проведения специального судебного заседания и вынесения соответствующего судебного решения. Ведь если следователь уже заранее (как бы в принципе) исключает необходимость последующего применения к человеку меры пресечения арестантского характера, то задержание вообще теряет всякий смысл и превращается в ничем не оправданное ограничение свободы и неприкосновенности.

В результате комплексного анализа всех вышеизложенных точек зрения напрашивается вполне очевидный вывод: *основная цель задержания подозреваемого — это обеспечение нахождения лица «при уголовном деле», то есть в условиях процессуальной доступности для производства с его участием следственных действий и иных процессуальных процедур, направленных на установление его причастности к совершению преступления и решение вопроса о возможности применения к нему заключения под стражу или домашнего ареста.* В качестве *дополнительных*, но не менее важных целей задержания подозреваемого следует назвать: *а) воспрепятствование другим формам противодействия расследованию (воздей-*

ствием на свидетелей, экспертов, уничтожению доказательств и т.д.); б) пресечение иной преступной деятельности.

В подобном контексте цели задержания подозреваемого оказываются весьма схожими (может быть, даже идентичными) с целями мер уголовно-процессуального пресечения (гл. 13 УПК РФ). Напомним, что, по мнению большинства специалистов, работающих в этом научном направлении, целями мер пресечения являются воспрепятствование уклонению от явки в органы предварительного расследования, в суд или иным формам противодействия производству по уголовному делу, продолжению преступной деятельности, созданию помех для исполнения приговора²⁰. Аналогичная позиция прямо вытекает из ст. 97 УПК РФ.

И это вполне понятно! Ведь задержание подозреваемого фактически представляет собой упрощенный и краткосрочный вариант наиболее строгой меры уголовно-процессуального пресечения — заключения под стражу. Оба правоограничительных механизма сопряжены с временной изоляцией человека от общества, причем порядок их реализации предусмотрен единым Законом «О содержании под стражей»²¹. В. Н. Григорьев прямо называет задержание подозреваемого начальным этапом заключения под стражу²². Уместно вспомнить и позиции Европейского Суда по правам человека относительно понятия «лишение физической свободы», под которым понимается не только классическое тюремное заключение, но и любые другие правоограничительные механизмы, сопряженные с пребыванием в ограниченном пространстве, изоляцией от общества, семьи, прекращением выполнения служебных обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным

²⁰ См., например: *Гуткин И. М.* Меры пресечения в советском уголовном процессе. М. : ВШ МООП РСФСР, 1963. С. 6 ; *Лившиц Ю. Д.* Меры пресечения в советском уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1964. С. 14 ; *Михайлов В. А.* Методологические основы мер пресечения. М. : Академия управления МВД России, 1998. С. 9 ; *Ткачева Н. В.* Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу в уголовном процессе России. Челябинск : Южно-Уральский госуниверситет, 2004. С. 27.

²¹ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103–ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» с последующими изменениями и дополнениями.

²² *Григорьев В. Н.* Указ. соч. С. 64—64.

кругом лиц. Европейский Суд вообще считает правильным оценивать лишение физической свободы не по формальным, а по сущностным признакам и дифференцировать различные арестантские меры не в зависимости от природы или сущности, а исходя из степени или интенсивности²³.

Основное преимущество задержания — его оперативность, возможность в кратчайшие сроки обеспечить достижение вышеназванных целей без необходимости проведения сложной процедуры получения судебного решения. И. М. Гуткин был совершенно прав, отмечая, что потребность в задержании возникает в случае необходимости заключения человека под стражу, когда немедленное применение этой меры пресечения по тем или иным причинам невозможно²⁴.

Сложный комплексный характер задержания подозреваемого (фактическое задержание → доставление → составление протокола и т.д.), предполагающий его многогранность, неоднородную правовую природу, невольно наводит на закономерный вопрос: а в какой конкретный момент человек реально оказывается во власти правоохранительных органов и лишается возможности свободно располагать собой?

Ответ на него очевиден. Это происходит одновременно с так называемым фактическим задержанием (захватом), являющимся самым первым (допроцессуальным) этапом всей процедуры задержания подозреваемого в совершении преступления. Именно в этот момент реально ограничивается предусмотренное ст. 22 Конституции РФ право на свободу и личную неприкосновенность; в этот же момент человеку предоставляются основные юридические гарантии, оберегающие статус задержанного и его последующие взаимоотношения с пра-

воохранительными органами. Вспомним хотя бы вышеупомянутые решения Европейского Суда по правам человека, связывающие лишение физической свободы не с формальными, а с сущностными факторами. Подобных позиций традиционно придерживался и Конституционный Суд РФ. В одном из самых известных постановлений по вопросам задержания подозреваемого — по делу В. И. Маслова — отмечается, что ч. 2 ст. 48 Конституции РФ определенно указывает именно на сущностные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи в силу того, что его конституционные права, прежде всего на свободу и личную неприкосновенность, ограничены, в том числе в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности²⁵.

Таким образом, система действующего законодательства предполагает весьма парадоксальную ситуацию. *Основная цель прямо предусмотренного УПК РФ уголовно-процессуального механизма достигается за рамками уголовного судопроизводства* (часто даже до возбуждения уголовного дела), в ходе реализации своих служебных полномочий лицами, не входящими в круг участников предварительного расследования. Органы дознания и предварительного следствия получают в свое ведение задержанного уже после обеспечения необходимых условий нахождения данного лица «при уголовном деле» (а как же иначе!), пресечения возможности попыток воспрепятствовать их деятельности и продолжить криминальное поведение. Задержание, пишет Л. В. Головкин, почти всегда является фактическим, что вытекает из его природы и его оснований, поэтому противопоставлять надо не фактическое и юридическое задержание, а само задержание и его

²³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 ноября 1980 г. по делу «Гуццарди против Италии» (жалоба № 7367/76) ; постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1994 г. по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (жалоба № 14310/88) ; постановление Европейского Суда по правам человека от 24 ноября 1994 г. по делу «Кеммаш против Франции» (жалобы № 12325/86, 14992/89).

²⁴ Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учеб. пособие. М. : Академия МВД СССР, 1980. С. 8.

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П.

процессуальное оформление, происходящее *post factum*²⁶.

Но если так, то какую же цель тогда преследует собственно процессуальное решение о задержании подозреваемого, принимаемое в порядке ст. 91—92 УПК РФ? Представляется, что лишь только одну. Посредством составления протокола следователь осуществляет своеобразную процессуальную легализацию принятого ранее полицией или сотрудниками иных «силовых» ведомств акта ограничения конституционного права лица на свободу и личную неприкосновенность.

Исходя из predetermined международных-правовыми стандартами и Конституцией РФ подходов, процессуальное решение о задержании не привносит в уголовное дело ничего нового, не обуславливает ни возникновения, ни изменения, ни прекращения никаких принципиально новых правоотношений. Все основные права (на телефонный звонок, уведомление заинтересованных лиц, защиту и т.д.) задержанный получает с момента своего захвата. Кстати, эти права тоже не имеют ярко выраженного процессуального характера и вполне могут быть обеспечены правоохранительными органами, например в соответствии со ст. 14 Закона «О полиции».

Чтобы окончательно развеять возможные сомнения и заранее ответить на вполне ожидаемую критику оппонентов — мол, подозреваемый имеет куда больше прав, — позволим себе немного отвлечься от предмета настоящей статьи, пояснив, что юридическое признание за лицом данного процессуального статуса совсем необязательно должно быть привязано к составлению протокола задержания, как это определено в п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Результаты некоторых других наших исследований по данной проблематике (в настоящее время они также готовятся к опубликованию) показывают, что начало осуществления в отношении задержанного уголовного преследования, предполагающего закрепление за ним статуса

подозреваемого в процессуальном смысле, целесообразнее увязывать не с протоколом задержания, а с его допросом как первым и практически единственным актом его взаимодействия со следователем в установленном УПК РФ правовом режиме.

Протокол задержания даже нельзя признать неким «актом приема-передачи» доставленного лица из ведения приведших его сотрудников в распоряжение следователя с переложением на последнего всей полноты ответственности за судьбу данного человека. Ведь согласно ч. 1 ст. 92 УПК РФ протокол должен быть составлен не сразу, а в течение 3 часов с момента доставления. Этот срок установлен в целях проведения необходимых для обоснования задержания процессуальных действий, во время которых доставленный уже находится в зоне ответственности субъекта уголовной юрисдикции.

Таким образом, представляется, что процессуальное решение о задержании не имеет «высокого» правового смысла, который вкладывается в иные резолютивные акты предварительного расследования. Протоколу задержания подозреваемого в том виде, в коем он существует в действующей системе уголовно-процессуального регулирования, по сути, более подходит роль некоего технического документа, составляемого для «внутреннего» пользования, например для руководителя следственного органа, в целях более эффективного ведомственного контроля за законностью деятельности своих подчиненных. Так, председатель Следственного комитета РФ в приказе прямо поручает руководителям следственных органов различного уровня «контролировать соблюдение порядка задержания подозреваемых в совершении преступлений, соответствие данных, содержащихся в протоколе задержания, обстоятельствам происшедшего и др., а также осуществление процессуального оформления следователем их задержания не позднее 3 часов после фактического доставления к нему подозреваемых»²⁷.

²⁶ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М. : Статут, 2016. С. 531.

²⁷ Приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации».

Мы, конечно, не уверены, уместно ли здесь приводимое сравнение, но решение о задержании подозреваемого формально скорее напоминает своеобразный «протокол о намерениях», посредством которого следователь фиксирует свой замысел на дальнейшее применение к лицу меры пресечения арестантского характера. Кстати, в данном контексте процессуальный акт задержания вообще теряет всякий смысл, поскольку ровно те же самые намерения, но уже облеченные в более развернутую и мотивированную форму, вытекают из следующего по порядку документа — ходатайства в суд о заключении задержанного под стражу или под домашний арест (ч. 3 ст. 108 УПК РФ).

В одной из своих последних публикаций, проанализировав правовую сущность обвинения как результата дискретных полномочий следователя, основанного на совокупности достаточных доказательств, мы пришли к выводу о поспешности и необоснованности так называемого первоначального обвинения, обусловленного правилом, предполагающим применение к лицу меры пресечения лишь после его привлечения к уголовной ответственности. В этой связи было внесено предложение о возможности избрания меры пресечения в отношении подозреваемого не как исключения (ст. 100 УПК РФ), а как основного правила²⁸.

И если придерживаться именно такого подхода (он-то и представляется нам единственно верным), то временной интервал между актом процессуального задержания подозреваемого и ходатайством в суд об избрании в отношении него меры пресечения сокращается до минимума. А с учетом того, что на практике эти несколько часов обычно полностью посвящаются формированию и предъявлению обвинения, решение о задержании и ходатайство в суд должны неразрывно следовать одно за другим.

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим к не совсем, может быть, «традиционному», своеобразному, но тем не менее единственно

возможному выводу. *Составляемый следователем/дознателем в порядке ст. 92 УПК РФ протокол задержания подозреваемого — вообще лишнее звено в механизме краткосрочного (внесудебного) ограничения конституционного права человека на свободу и личную неприкосновенность в преддверии его предполагаемого заключения под стражу или домашнего ареста.* А для оформления правовых намерений органов предварительного расследования применить к задержанному данные меры пресечения вполне достаточно иных предусмотренных УПК РФ процессуальных средств, в частности направляемого в суд ходатайства в порядке ч. 3 ст. 108 УПК РФ.

И поэтому все критические замечания ученых относительно документа, коим необходимо оформлять процессуальное решение о задержании (как его называть: протоколом или постановлением), лишены всякого смысла. *Такое решение, равно как и правила его вынесения, в принципе подлежат исключению из системы уголовно-процессуального регулирования с передачей в административное ведение полиции и иных «силовых» ведомств, осуществляющих фактическое задержание и доставку потенциальных подозреваемых.*

Несмотря на все попытки советского, а затем и российского законодателя ввести задержание подозреваемого в сферу уголовно-процессуального регулирования, оно фактически остается превентивной «полицейской» мерой, применяемой в целях как бы «внешнего», «допроцессуального» обеспечения благоприятного режима досудебного производства по уголовному делу. Такой она представлялась еще дореволюционному законодателю, таковой она, очевидно, останется и впредь.

В этой связи весьма уместно привести позицию Л. В. Головки. Автор пишет, что во всех порядках между задержанием кратковременным и задержанием длительным (заключением под стражу) есть принципиальная разница: задержание является по своей природе полицей-

²⁸ Россинский С. Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 5. С. 30—36.

ской мерой, а заключение под стражу — мерой судебной. Называться эти меры могут по-разному, в соответствии с национальной терминологической традицией, более устойчивой в континентальных правовых порядках, например французское противопоставление *garde à vue* (задержание) и *détention provisoire* (заключение под стражу). Однако само по себе разграничение двух принципиально отличных друг от друга форм ограничения физической свободы лица является объективной и универсальной константой²⁹. О полицейском характере задержания пишут и другие авторы³⁰.

Автору настоящей статьи не хотелось бы, чтобы высказанная позиция была истолкована превратно — как полностью исключающая какое-либо процессуальное участие следователя в процедуре задержания лица по подозрению в совершении преступления. Мы вовсе не ратуем за абсолютное упразднение следственного присутствия в этом механизме. В конце концов, подобные полномочия обусловлены международно-правовыми стандартами, в том числе ч. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; они же вытекают из системы действующего законодательства РФ. Именно следователь как субъект уголовной юрисдикции осуществляет проверку законности и обоснованности «полицейского» задержания, определяя дальнейшее положение подозреваемого и принимая на себя весь груз процессуальной ответственности за его судьбу.

Мы лишь выступаем за упразднение самого процессуального решения о задержании как самостоятельного резолютивного акта, который не имеет никакого юридического смысла и лишь дублирует предшествующие «полицейские» документы. Полагаем, что законность и обоснованность задержания подозреваемого вполне могут быть обеспечены не протоколом, оформляемым в порядке ст. 91—92 УПК РФ, а иными процессуальными актами: мотивированным ходатайством в суд об избрании в отношении

лица меры пресечения арестантского характера или, наоборот, постановлением об его освобождении из-под стражи, выносимом в порядке ч. 1 ст. 94 УПК РФ.

Предлагая на строгий суд читателей эту точку зрения, автор прекрасно понимает вероятность ее скептической оценки блюстителем «традиционных» подходов к задержанию подозреваемого. И тем не менее *мы осознанно идем на подобные исследовательские риски в надежде усовершенствовать законодательные механизмы и оптимизировать правоприменительную практику* в контексте поиска разумного баланса между публичными и частными интересами, между полномочиями государства и правами личности как одной из основных задач уголовно-процессуальной науки.

Мы также отчетливо предвидим все возможные упреки со стороны представителей так называемой либеральной общественности и иных любителей «спекулировать» правами человека: мол, автор хочет упростить и без того слабо обеспечивающую защиту личности процессуальную форму, не учитывает международно-правовые стандарты, да и вообще ратует за создание еще более карательного механизма задержания подозреваемого даже по сравнению с тем, который существует в настоящее время.

Да, действительно, предлагаемые новации предполагают некоторое упрощение процессуальной формы. Но так ли это опасно для правовой защищенности лиц, волею судьбы подвергаемых уголовному преследованию? Представляется, что не так. Сама по себе формализация никоим образом не обуславливает уровень обеспеченности участников уголовного дела юридическими гарантиями. Процессуальная форма должна быть не «сильной» или «слабой», а реально выполнимой (практически реализуемой), отвечающей целям уголовного судопроизводства и его отдельных актов, здравому смыслу, национальным традициям и вышеуказанному разумному балансу между

²⁹ Курс уголовного процесса. С. 525.

³⁰ *Муравьев К. В.* Указ. соч. С. 181; *Химичева О. В., Шаров Д. В.* Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 5. С. 157.

публичными и частными интересами. Именно поэтому в своих работах применительно к одним правоотношениям мы выступаем за усиление процессуальной формы, а применительно к другим — наоборот, за ее упрощение.

В завершение следует отметить, что затронутые в настоящей статье проблемы и предложен-

ные варианты их решения невольно обуславливают некоторый пересмотр, переосмысление и дальнейшее развитие иных вопросов, касающихся задержания подозреваемого, в частности его оснований, осуществления фактического захвата лица и т.д. Ко всем этим вопросам мы планируем вернуться в последующем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авдеев В. Н., Богацкий Ф. А.* Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России. — Калининград : КЮИ МВД России, 2006.
2. *Баев О. Я., Баев М. О.* Современный правовой механизм задержания подозреваемого в совершении преступления и проблемы его совершенствования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. — 2016. — № 2.
3. *Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилев А. А.* Задержание в советском уголовном судопроизводстве. — М. : Академия МВД СССР, 1975.
4. *Березина Е. С.* Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. — М. : ВНИИ МВД России, 2009.
5. *Васильева Е. Г.* Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. — Уфа : Башкирский госуниверситет, 2002.
6. *Веретенников И. А.* Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт : дис. ... канд. юрид. наук. — М. : ЮИ МВД России, 2001.
7. *Григорьев В. Н.* Задержание подозреваемого. — М. : ЮрИнфор, 1999.
8. *Гуткин И. М.* Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учебное пособие. — М. : Академия МВД СССР, 1980.
9. *Гуткин И. М.* Меры пресечения в советском уголовном процессе. — М. : ВШ МООН РСФСР, 1963.
10. *Зайцев О. А., Смирнов П. А.* Подозреваемый в уголовном процессе. — М. : Экзамен, 2005.
11. *Зайцева Л. Л., Пурс А. Г.* Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь. — Минск : Харвест, 2011.
12. *Клюков Е. М.* Мера процессуального принуждения. — Казань : Казанский госуниверситет, 1974.
13. *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. — Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1975.
14. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под общ. ред. В. Т. Томина. — М. : Вердикт, 1996.
15. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М. : Статут, 2016.
16. *Лившиц Ю. Д.* Меры пресечения в советском уголовном процессе. — М. : Юрид. лит., 1964.
17. *Лившиц Ю. Д., Гинзбург А. Я.* Меры пресечения и задержание в советском уголовном процессе. — Алма-Ата : Алма-Атинское отделение ФЗО ВШ МВД СССР, 1961.
18. *Михайлов В. А.* Методологические основы мер пресечения. — М. : Академия управления МВД России, 1998.
19. *Муравьев К. В.* Меры уголовно-процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. — Омск : Омская академия МВД России, 2017.
20. *Розин Н. Н.* Уголовное судопроизводство. — СПб. : Юридический книжный склад «Право», 1914.
21. *Россинский С. Б.* Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 5.

22. *Строгович М. С.* Уголовный процесс : учебник для юридических вузов и факультетов. — М. : МЮ СССР, 1946.
23. *Ткачева Н. В.* Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу в уголовном процессе России. — Челябинск : Южно-Уральский госуниверситет, 2004.
24. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. — СПб. : Альфа, 1996. — Т. 2.
25. *Химичева О. В., Шаров Д. В.* Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2018. — № 5.

Материал поступил в редакцию 21 июня 2018 г.

A PROTOCOL AS AN UNNECESSARY ELEMENT IN THE MECHANISM OF DETENTION OF A PERSON ON SUSPICION OF COMMITTING A CRIME

ROSSINSKIY Sergei Borisovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
sbrossinskij@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *In this paper the author examines the Protocol of Detention of the Suspect as a criminal procedural act recording the decision of the investigator concerning short-term restriction of the constitutional human right to freedom and personal inviolability.*

Relying methodologically on the true purpose of detention of the suspect in the general system of rights-limiting mechanisms in the field of crime detection, disclosure and investigation, the author concludes that the procedural decision on its implementation (detention protocol) lacks the "high" legal meaning that is embedded in other legislative acts governing preliminary investigation.

The author believes that, despite the criminal procedural formalization, the detention of the suspect, in fact, remains a preventive "police" measure used for the purpose of "external," "pre-trial" ensuring of a favorable regime of pre-trial proceedings in the criminal case.

In this regard, it is proposed to exclude the detention protocol from the sphere of criminal procedure and transfer it to the administrative jurisdiction of the police and other "law enforcement" agencies engaged in the actual detention and transportation of potential suspects.

Keywords: *Administrative detention, detention of the suspect, detention, measures of criminal procedural coercion, inviolability of the person, suspect, police detention, Protocol of detention of the suspect, criminal procedural decision, criminal procedural act.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Avdeev V. N., Bogatskiy F. A.* Podozrevaemiy v ugovnom sudoproizvodstve Rossii. — Kaliningrad : KYul MVD Rossii, 2006.
2. *Baev O. Ya., Baev M. O.* Sovremenniy pravoy mekhanizm zaderzhaniya podozrevaemogo v sovershenii prestupleniya i problemy ego sovershenstvovaniya // *Vestnik Voronezhskogo gosuniversiteta. Seriya : Pravo.* — 2016. — № 2.
3. *Berezin M. N., Gutkin I. M., Chuvilev A. A.* Zaderzhanie v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve. — М. : Akademiya MVD SSSR, 1975.

4. *Berezina E. S.* Zaderzhanie podozrevaemogo kak institut ugovnogo sudoproizvodstva : dis. ... kand. yurid. nauk. — M. : VNII MVD Rossii, 2009.
5. *Vasil'eva E. G.* Problemy ogranicheniya neprikosновенности lichnosti v ugovnom protsesse : dis. ... kand. yurid. nauk. — Ufa : Bashkirskiy gosuniversitet, 2002.
6. *Veretennikov I. A.* Zaderzhanie podozrevaemogo kak kompleksniy pravovoy institut : dis. ... kand. yurid. nauk. — M. : Yul MVD Rossii, 2001.
7. *Grigor'ev V. N.* Zaderzhanie podozrevaemogo. — M. : YurInfor, 1999.
8. *Gutkin I. M.* Aktual'nye voprosy ugovno-protsessual'nogo zaderzhaniya : uchebnoe posobie. — M. : Akademiya MVD SSSR, 1980.
9. *Gutkin I. M.* Mery presecheniya v sovetskom ugovnom protsesse. — M. : VSh MOOP RSFSR, 1963.
10. *Zaytsev O. A., Smirnov P. A.* Podozrevaemiy v ugovnom protsesse. — M. : Ekzamen, 2005.
11. *Zaytseva L. L., Purs A. G.* Zaderzhanie v ugovnom protsesse respubliki Belarus'. — Minsk : Kharvest, 2011.
12. *Klyukov E. M.* Mera protsessual'nogo prinuzhdeniya. — Kazan' : Kazanskiy gosuniversitet, 1974.
13. *Kovriga Z. F.* Ugolovno-protsessual'noe prinuzhdenie. — Voronezh : Voronezhskiy gosuniversitet, 1975.
14. Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu RSFSR / pod obshch. red. V. T. Tomina. — M. : Verdikt, 1996.
15. Kurs ugovnogo protsessa / pod red. L. V. Golovko. — M. : Statut, 2016.
16. *Livshits Yu. D.* Mery presecheniya v sovetskom ugovnom protsesse. — M. : Yurid. lit., 1964.
17. *Livshits Yu. D., Ginzburg A. Ya.* Mery presecheniya i zaderzhanie v sovetskom ugovnom protsesse. — Alma-Ata : Alma-Atinskoe otdelenie FZO VSh MVD SSSR, 1961.
18. *Mikhaylov V. A.* Metodologicheskie osnovy mer presecheniya. — M. : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 1998.
19. *Murav'ev K. V.* Mery ugovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya — osoby sredstva ugovno-pravovogo vozdeystviya: doktrina, primenenie, optimizatsiya. — Omsk : Omskaya akademiya MVD Rossii, 2017.
20. *Rozin N. N.* Ugolovnoe sudoproizvodstvo. — SPb. : Yuridicheskiy knizhniy sklad «Pravo», 1914.
21. *Rossinskiy S. B.* Pravovye usloviya primeneniya mer ugovno-protsessual'nogo presecheniya privodyat k pospeshnosti i neobosnovannosti obvineniya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2018. — № 5.
22. *Strogovich M. S.* Ugolovniy protsess : uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov. — M. : MYu SSSR, 1946.
23. *Tkacheva N. V.* Mery presecheniya, ne svyazannye s zaklyucheniem pod strazhu v ugovnom protsesse Rossii. — Chelyabinsk : Yuzhno-Ural'skiy gosuniversitet, 2004.
24. *Foynitskiy I. Ya.* Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. — SPb. : Al'fa, 1996. — T. 2.
25. *Khimicheva O. V., Sharov D. V.* Nekotorye aspekty obespecheniya prav litsa pri zaderzhanii po podozreniyu v sovershenii prestupleniya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2018. — № 5.